

31.12.94

Чурикова Инна Михайловна

Моя собеседница — Инна Михайловна Чурикова. На последнем фестивале в Сочи было целых три фильма с ее участием — «Курочка Ряба» Андрея Кончаловского, «Плещ Казановы» Александра Галина и, наконец, «Год Собаки» Семена Арановича.

— Да, так получилось, что три мои картины сняты в один год, в 93-й.

— Вы имели раньше какие-то призы?

— У меня был один приз на Западнберлинском фестивале за участие в картине Петра Ефимовича Тодоровского «Военно-полевой роман», мне дали Медведя, такой личный приз. А когда мне присудили премию «Триумф», этот почетный приз, это для меня было очень волнительно, очень важно для меня, я должна признаться.

— Мне кажется, вы человек доверчивый и какой-то «детский». Вы относитесь к событиям своей жизни и окружающим с большим вниманием, как будто вы пропускаете все через себя. Так это или нет?

— Да. Я думаю, что это так. Глеб меня даже предупреждает, когда я выхожу из дома, он говорит: «Инна, не будь простодушной». Я действительно доверчива и действительно как-то все переживаю, это, очевидно, моя природа такая.

— Вы сыграли огромное количество ролей в театре и в кино, снимаетесь, наверное, уже больше 20 лет. Вы много снимались в фильмах Глеба Панфилова?

— Я во всех его картинах снималась. И это моя путеводная звезда.

— Насколько я знаю, вы тоже его путеводная звезда.

— Конечно. Я очень дорожу его мнением, я уважаю его вкус, и когда он приходит на спектакль — это мучка, я так страдаю. Я волнуюсь, потому что он говорит всегда точно, правильно, без обиняков и если похвалит, значит, за дело, а поругает, значит, за дело тоже.

— Мне кажется, он достаточно строгий человек. Снимая вас в фильмах, в ролях некрасивых девушек с мечтой, он говорил, я слышала: «А моя жена самая красивая!». Вы стали действительно красивой, стали играть роли красивых женщин и не только у Глеба Панфилова. Он, видимо, вырастил в вас такую женщину и отдал другим?

— Может быть, самая лучшая моя работа, интересная, сложная, это Васса Железнова, и я считаю, что она красива. А потом фильм «Тема», где я играла гиду местного музея, Сашу Николаеву, мне кажется, она тоже красива.

— Ну а потом вы играли «Ребро Адама».

— Это фильм Кристофовича, это очень хороший режиссер, и я думаю, хорошая картина получилась, и роль интересная получилась.

— Вы относитесь к тому типу женщин, мне кажется, которых хочется оберегать. Испытывали ли вы когда-нибудь, кроме Глеба Панфилова, такую восхитительную заботу со стороны других мужчин?

— Да. Я должна сказать, мне вообще повезло с режиссерами, я встретила очень хороших людей: это и Вячеслав Кристофович, и Петр Тодоровский, это и Семен Аранович, и Александр Галин, и Андрей Кончаловский.

— Вот с режиссерами вам повезло наверняка, эти режиссеры в вас влюблялись. Вы играете ведь героини, которые постоянно живут любовью, восторгом, живут мечтами о любви. Я думаю, что вам, как и любой женщине, должны быть свойственны умение и желание влюбляться. Это же естественно, мне кажется. Что бы вам поклонялись мужчины, вставали на колени.

— Я бы сказала, что не много мужчин вставало на колени в моей биографии. И я как-то не избалована.

— Но вам предстоит сейчас сыграть роль женщины, в которую влюблен молодой мужчина...

— Этого я еще ничего не знаю, не читала сценарий, это я просто узнала от Александра Михайловича Галина так же, как и вы.

— Вы бы не растерялись перед чувством, если бы вам это довелось пережить в жизни?

— Я не знаю, я не готова, потому что я о молодых людях думаю, как о своих детях. Это тот роман, который, как в пьесе «Без вины виноватые», заканчивается любовью матери к сыну, когда она его находит. Я просто не готова. Вот была пьеса, где играла Галина Вишневская, «За зеркалом», кажется, она называется. Царица, которая влюблена в молоденького мальчика. Но она такая была любвеобильная, и она царица, и не было комплексов возраста. А для меня 17-летние юноши — это мои дети, потому что у меня Ванечка 16 лет...

— А он хочет стать актером?

— Нет. Он нам сказал: мама, актером не буду, папа, режиссером не буду. А кем же ты будешь, Ванечка? Юристом.

— А кто у вас дома занимается хозяйством?

— Я, Глеб и Ванечка. Мы втроем.

— А так в пропорции, если математически разделить, что больше всего занимает ваше время? Работа, подготовка новых ролей, работа в театре над спектаклем или занятость в готовом спектакле? Или дом?

— Вы знаете, когда я работаю, то на себя нагрузку основную берет Глеб. Если у него есть возможность. Он мне очень помогает. Но любые паузы, которые у меня есть, я занимаюсь хозяйством. Потому что хочу, чтобы в доме мы себя чувствовали хорошо. Я люблю дом и рада, что он у меня есть и что у меня есть семья — я очень дорожу ею. Мы с мамой скитались очень долго, когда я была маленькая. Снимали какие-то комнатки и в Москве, а до этого жили в Подмоскovie. Первый класс я окончила в сельской школе.

— А почему вы стали актрисой?

ИННА ЧУРИКОВА.
БЛИЖНИЙ КРУГ

Между Казановой и Соней Вошкиной

— Мне кажется, это мечта с детства. Была, может быть, даже с моего рождения. Потому что мама мне рассказывала, что, когда была беременная и до этого, она все время думала о том, как хорошо было бы ей актрисой быть. И мне ничего не оставалось делать, как исполнить ее желание.

— Вы преодолевали что-то, поднимаясь по ступенькам творчества? В какой точке вашего творчества произошел перелом?

— Я не знаю, все происходит постепенно, потому что я начинала с массовки в Тюзе, бегала из одной кулисы в другую, играла подмену Бабы Яги, почти три года, зверей диких и домашних, и все время жила мечта играть большую роль.

— Как вы считаете, в какой роли свершилось это, вы почувствовали: да, я дошла до какого-то рубежа...

— Я до сих пор не чувствую. Знаете, для меня каждый день все равно поиск, все равно я приступаю к работе и не знаю, как и что. С Андреем Сергеевичем Кончаловским я просто не знала, как это все делать. Это был человек — для меня неведомый, и, самое главное, — я для него неведомый.

Он говорит: вместе будем искать. Вот он написал какой-то образ, какой-то лик был, а как, что — не знаю. И за каждую работу переживаешь невозможное.

— Так получилось, что на одном фестивале этим летом представлено было сразу три работы. Три разные женщины в вашем исполнении собрались в одном месте в одно время. Это героиня из фильма «Год Собаки», женщина одинокая, не ведающая любви до определенного момента, к тому же не очень молодая.

— Ну уж совсем бабушка.

— Крестьянка, прожившая большую трудную жизнь в «Курочке Рябе», и в «Плеще Казановы» духовно тоже одинокая, но живущая мечтами, красивая, немножко не от мира сего, женщина с каким-то даже легкомысленным, я бы сказала, складом характера.

Вот как это, когда они втроем собрались в одном месте, вам самой это было интересно?

— Я даже взволнована, к добру ли это. Не знаю. Потому что уж три фильма...

— Это все-таки три жизни? Каждый раз, наверное, приходится проживать целую жизнь?

— Ну конечно.

— Где тот источник, родни-

чок? Вы когда-то об этом задумывались? Откуда это берется? Все эти краски, все? Вы же все-таки чуть-чуть ограждены от контакта с городом, ездите на машине, какие-то удобства имеет в жизни, чтобы не соприкасаться в метро с тележками и со всем этим ужасом.

— Да что вы! Это же не знание жизни — ездить в метро или в такси! И в метро ездишь, и такси берешь, и на машине. Разным образом добираться до каких-то нужных тебе мест, но я живу на своей земле и я знаю эту жизнь, живу так же, как и все. У меня такие же проблемы, и я встречаюсь с людьми, с разными людьми так же, как все.

— Судя по вашим работам, мне кажется, вы любите женщин и жалеете их, понимаете...

— Женщин обожаю просто. Вы знаете, допустим, когда мы приехали в деревню, там навыки другие, не городские, простые, женщины говорят громко, нет интонации. Воспитывают тоже просто, если что не так — ребенку хоп, и подзатыльник. Мат-перемат, к сожалению, из пяти слов шесть вот эти. И один союз. Но тем не менее все равно это не так просто, потому что мы

были у Сони. Вошкина, кажется, ее фамилия.

— Это где?

— В деревне. Соня громко говорит, с матюжком. Но любого приветит, любого накормит, песню споет, на гармошке сыграет, в бога верует, поможет, работающая. Вот это все и есть женщина.

— Вы не побоялись играть некрасивую женщину, старую, с толстыми ногами, спущенными чулками, в телогрейке? — Одетая, как одеваются в деревне. Правда, нам Соня показывала свои туалеты, у нее там цветастые платья прекрасные, купила какую-то куртку, съездила на базар, пальто у нее красивое, все есть. Есть во что одеться.

— Но это не значит, что вы копируете кого-то...

— Нет, это индивидуальность, та, которая написана, и моя, естественно, все вместе. Это, конечно, не конкретно та женщина, с которой я встречаюсь, но знание, ощущение и наблюдение...

— И вот это оканье. То ли оно северное, то ли волжское.

— Новгородское, горьковское.

— Красивый русский говор, а в другом фильме вы говорите на итальянском, почти безупречном языке. Трудно это

вам дается? Или это все льется, как песня?

— Ну почему, я итальянским просто занималась.

— А говор?

— Я его учила, говор, и учила до той стадии, когда можно свободно себя чувствовать, не думая о языке, потому что это довольно трудно. А это тоже важно очень, они так говорят, они так красиво говорят, у них такой образный язык, ну такие выражения прекрасные. И я все в сценарии с Андреем Сергеевичем записывала.

— Лицедейство, мне кажется, у вас в крови?

— Я сейчас у Меньшова закончила сниматься в небольшой роли, такая совершенно острая комедия, и это так трудно. И вот просто сейчас в таких трудах, потому что эта женщина — клоун. Я не знаю, как получится, как это произойдет.

— Как вы считаете, что вам удаётся больше всего из женских характеров? Какого социального склада, принадлежности социальной? Ну, скажем, в «Военно-полевом романе» вы играете интеллигентную учительницу, жену главного героя, женщину хрупкую, тонкую, чувствующую и несчастную где-то по сути, и это, мне кажется, вам больше свойственно. Такие вот роли — на грани тончайшего шитья. Что вам ближе?

— Вы знаете, каждая судьба женская интересна. Каждая судьба. И все зависит от драматурга, который пишет сценарий или пьесу, и что там есть, и что можно рассказать. В каждой женской судьбе так много всего: и радостного, и печального, и драматического. Конечно, хотелось бы, чтобы люди жили радостно, гармонично, но не бывает так.

— Вы не ответили. Какой характер? Психологический тип? Интересно, что все-таки гармонично вашему внутреннему состоянию?

— Ну, допустим, Сара в «Иванове» Чехова. Ее судьба меня очень волнует. Женщина, которая любила и верила и всю жизнь, все положила к ногам любимого и держится за эту любовь, как за соломинку, и даже, когда там есть такая очень сильная сцена, написанная Чеховым, когда Са-

ра понимает, что Иванов любит другую женщину, и она не выдерживает, срывается, и происходит такая страшная, как только могут близкие люди ранить друг друга, такая сцена, когда они обижают друг друга, она его, он ее, и потом, да и когда он в гневе кричит: ты скоро умрешь, ты скоро умрешь, жидовка! Написано очень страшно... И вот там замечательный был момент, когда вдруг уже все, оставил ее гнев, и даже нет этого как бы страха смерти, а просто женщина почувствовала, что все равно она очень любит этого человека, и расставание с ним для нее мучительно. Но это я рассказываю сцену, спектакль, где Евгений Павлович Леонов, наш замечательный актер, играл Иванова. Увы, давно это было, спектакль у нас уже не идет... Потом Саша Николаева в «Теме».

Очень нравится мне эта женщина, Хлоя в «Плеще Казановы». Ну, конечно, те женщины, которые каким-то образом меня выражают, конечно, они мне близки очень.

— С недавних пор вы стали в своих ролях петь. Вы очень музыкальны. Помимо того, что вы очень пластичны, вы смело и хорошо поете. Вы любите петь?

— Обожаю. Я так люблю петь. Но как поют в деревне! Как Соня поет! Боже мой! Она поет в этой картине. Я тоже пою эту песню. Какие они песни знают! Какие частушки!

— Скажите, пожалуйста, у вас есть литературные пристрастия какие-то, вы что больше любите, читаете, любите ли поэзию?

— Последнее мое литературное пристрастие, я философа Ильина читала, и на меня это произвело замечательное впечатление. Это встреча с таким умным человеком. Мне, пожалуй, такого рода нравятся литература сейчас.

— А поэзия?

— В поэзии люблю Анну Андреевну Ахматову, очень!

— А какое любимое стихотворение?

— Ну, пожалуй, все. За каждое цепляюсь.

— Зацепитесь за какое-нибудь.

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью.

За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод фраз,
За то, что мир жесток и груб,

За то, что Бог не спас.

— Искусство вы любите, жизнь вы любите, дом, сына, мужа. Что вы еще любите?

— Я люблю своего Джека. Собака у нас такая есть. Спаниэль русский. Маленький, с большим именем Джек. Замечательный, умный товарищ. Я люблю своего кролика Филимона.

— Дома живет?

— Да, дома живет. Никого не боится, любит смотреть телевизор, любит развалиться на коленях у нас. Мне кажется, он мурлычет, как кошка. Три года уже живет с нами. За этим-то кроликом ухаживать не устаю.

— У вас есть подруги среди актрис?

— Моя подруга — Лия Ахеджакова. Я ее очень люблю и считаю, что это очень талантливая актриса. И очень талантливый, глубокий человек. И я тоже дорожу ее мнением. Она тонкая, она определенная.

— Что зрителю, что вашим поклонникам ждать от вас в ближайшем сезоне в театре и в кино?

— Мы выпустили «Чайку», замечательная пьеса, прекрасная. Она очень драматическая, но Чеховым названа комедией, и мы вместе с Марком Анатольевичем Захаровым пытались докопаться до каких-то таких моментов, которые определяют это слово — «комедия». Это как бы главное и не главное, потому что это настолько талантливо написанная пьеса про взаимоотношения людей, характеры, все интересно, текст, слова.

— А в кино?

— В кино сейчас, как уже говорила, у Меньшова снялась в фильме «Ширли-мырли», извините, конечно, но так называется. Это слова из какой-то песни: ширли-мырли. Там небольшая роль, но смешная. Оказывается, это очень серьезное дело, смешные роли играть трудно, просто великий труд, и для меня, ну, самый мой, может быть, любимый актер — это Чарли Чаплин, который владел этим искусством совершенно.

— Кажется, это так легко.

— Нет, он переснимал, переснимал сцены, переснимал по многу раз, и очень многие сцены не входили в картину, потому что казалось, что это не смешно.

— Инна Михайловна, зрители вас любят, я вас тоже очень люблю, каждая роль ваша — это событие, я считаю, и для нашего искусства, и для любителей театра и кино. Я вам желаю искренне очень многих-много лет, радостного, светлого творчества, насыщенного, счастья вам в семье. Спасибо.

Беседу вела
Алла СМЕХОВА.